

ПРИСТАВЫ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

А. Г. Гуськов

Институт российской истории Российской академии наук

Поступила в редакцию 19 ноября 2018 г.

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о вспомогательной категории служащих Посольского приказа – приставах, которые выполняли основную часть прямых судебных действий в ведомстве. Анализируется время появления приставов в приказе, их обязанности, численный состав и статьи дохода. Исследование позволяет прийти к выводу, что их основные средства существования складывались не из годового оклада, а из оплаты за выполнение определенных судебных процедур.

Ключевые слова: пристава, денежный оклад, Посольский приказ, пенитенциарная система.

Abstract: the article discusses the issue of subsidiary category of employees of the Embassy Prikaz – the bailiffs who carried out the main part of the direct judicial actions in the Department. Time of appearance of bailiffs in the order, their duties, numerical structure and articles of the income is analyzed. The study leads to the conclusion that their main means of subsistence consisted not of an annual salary, but of payment for the performance of certain judicial procedures.

Key words: bailiffs, cash salary, Embassy Prikaz, prison system.

Посольский приказ, как и большинство ведомств того времени, занимался не только своей основной обязанностью – обеспечением контактов на международной арене, но и выполнял иные властные полномочия – финансовые, судебные, территориальные. Под его юрисдикцию попадали приезжие и постоянно проживавшие в России иноземцы (кроме военных), посадские жители некоторых черных слобод, монахи и послушники подведомственных монастырей, донские казаки, работники самого приказа и ряд иных категорий населения. В реализации судебной практики [1] по отношению к подведомственным категориям населения участвовали как основные (судьи, дьяки, подьячие), так и вспомогательные (приставы) служащие ведомства.

С середины 1660-х гг. основная часть прямых судебных действий в Посольском приказе осуществлялась приставами. До этого аналогичные функции выполнялись толмачами: «Да в тех же приказах учинены для розсылки всяких дел и для приставных памятей и поручных записей в Посольском приказе толмачи» [2, с. 143]. Согласно исследованиям о Посольском приказе А. В. Белякова, появление судебных приставов (которых следует отличать от приставов, сопровождавших посольства) как отдельной категории служащих данного ведомства происходит не позже 1668 г. [3, с. 178]. В перечне судебных дел, решавшихся в дипломатическом ведомстве, удалось найти упоминание пристава за 1665 г. («...И после

суда ответчики отданы за пристава для того, что порук по ним не было. И во 173-м [1665] году июня в 17 день истцы с ответчиками в том иску помирились» [4, л. 47 об.]), что подтверждает осторожные предположения исследователя о более раннем возникновении данной категории служащих.

Приставы Посольского приказа одновременно осуществляли судебные функции и в отношении подчиненных ведомств: Малороссийского, Новгородского, Владимирского, Галицкого, Устюжского, Великой России и княжества Смоленского приказов. Такая ситуация наблюдается с 1680-х гг., т. е. с момента их «присоединения» к дипломатическому ведомству. В челобитной от 12 июля 1690 г. с просьбой об «учинении» оклада пристав Тимофей Непряхин писал: «Служу я... в государственном Посольском, и в Малороссийском... (далее перечислены еще 5 приказов. – А. Г.) многие годы» [5, л. 1]. Согласно запросам из Разряда о присылке списков подьячих, сторожей и приставов для составления годовой сметы, последние указывались лишь за головным ведомством. При этом и подьячие (всех трех категорий), и сторожа перечислены, помимо дипломатического ведомства, и в других приказах (Малороссийском, Новгородском и т. д.) [6]. Как пристава то Посольского, то Новгородского, то Устюжского приказов в документах постоянно встречаются Т. Непряхин, Федор Бошерин, Ганька Свежинской (Свежицкой) и др. [7, л. 72 об.; 8, л. 21, 37, 39].

В обязанности приставов, по мнению историков, входили «поиск, поимка и заключение под стражу

ответчиков по судебным делам, а также взятие с подследственных поручных записей» [3, с. 177]. Юристы полагали более расширенный и обобщенный функционал, который включал: 1) «функции, связанные с обеспечением деятельности суда – доставкой лиц на судебные заседания... участием в проведении отдельных следственных действий», 2) «приведение в исполнение судебных приговоров и решений» [9, с. 15, 20].

Проведенное исследование показало, что в рамках указанного функционала приставы Посольского приказа участвовали в следующих действиях:

1) при инициировании дела по иску пострадавшего приставу выдавалась приставная память, с помощью которой он обеспечивал явку на суд ответчика. Составление памяти осуществлялось самим истцом;

2) ответчик, если его удавалось найти, давал обязательство прибытия на судебное заседание, предоставляя приставу поручную запись, которую тот отдавал в приказ. При отсутствии поручителей пристав мог задержать ответчика для доставки в суд. В сентябре 1690 г. тяглеца Басманной слободы «ставил к суду» пристав Андрей Башмаков [4, л. 182];

3) если во время суда выдвигались финансовые претензии, то с предполагаемого должника требовали новые поручные записи доверенных лиц, которые также собирал пристав. В марте 1683 г. пристав Ларион Попов «збирал» записи с поручителей за тяглеца Новгородской сотни Меркушку Лукьянова, не имевшего возможности отдать долг в 320 руб. [там же, л. 23]. При отсутствии поручителей ответчика отдавали под присмотр пристава;

4) после вынесения приговора предъявлялось имущественное взыскание, которое виновный выплачивал из собственных средств. Но изыскивать их лично он мог только при наличии поручителей, в противном случае ему приходилось оставаться в ведении приставов. Так, после суда в июне 1671 г. тяглец Огородной слободы Иван Исаев, согласившийся с долгом в 400 руб., «отдан беречь» приставу Григорию Лукину, «для того что по нем порук не было»; аналогично в мае-июне 1685 г. вятский посадский человек Силка Каркин, не признавший иска в 100 руб., передан приставу Кузьме Данилову [там же, л. 25, 37];

5) задержка в выплате долга и/или пошлин могла привести к постановке «на правеж», который также обеспечивали приставы. Так, 4 февраля 1685 г. пристав Иван Башмаков получил «выпись на правеж» тяглеца Сретенской сотни Афанасия Остафьева, ответчика в долге на 677 руб. Причем само решение суда было принято еще 21 апреля 1684 г., т. е. 9,5 месяцами раньше. Приставов могли привлекать для

взимания только судебной пошлины (обычно в делах, когда виновным признавался истец). 18 сентября 1696 г. приставу Ивану Башмакову предписали организовать правеж в 40 руб. 7 алт. 2 денг. с иноземца Якова Якимова, которому отказали в иске на 400 руб. Здесь решение суда датируется всего лишь двумя днями раньше [там же, л. 166–166 об.]. Вероятно, в первом случае ответчик долг признал и обещал выплатить деньги в скором времени, чего несколько месяцев и ожидали ответчик и судьи. Во втором – проигравший истец категорически не согласился с решением суда, отказываясь вносить пошлину, что и вызвало такое оперативное оформление «выписи на правеж». Правеж мог назначаться лишь при наличии имущества, в противном случае пристав передавал виновного «в зажив головой» (т. е. в кабалу) до отработки долга [1, с. 22–23];

6) поручные записи могли взиматься приставами и в иных случаях, например при приеме на работу лиц, несущих определенную юридическую или финансовую ответственность. 13 июля 1682 г. пристав Степан Узлов принял поручные записи 10 стрельцов (надворной пехоты) за своего товарища Иевку Токарева. И. Токарев претендовал на место площадного подьячего перед Посольским приказом: «...быть у Посольского приказу на площади и кормитца письменным промыслишком» [10, л. 1–2].

Интересно описание ограничения функционала данной категории нотариата: «...писать ему Иеву за нашу порукою у Посольского приказу на площади челобитные и приставные памяти, и порушные записи и посылные грамотки, а иных крепостей никаких не писать, и за очи подставою рук не прикладывать...» [там же]. Имущественные и кабальные договоры находились в ведении подьячих уже Ивановской площади. Здесь можно отметить любопытный факт, свидетельствующий об определенной градации в положении и статусе площадных подьячих. Иван Григорьев сын Муромцов, на место которого претендовал И. Токарев, «переходил» на Ивановскую площадь. Судя по контексту, это место ценилось выше, чем площадь у Посольского приказа. Соответственно и площадные подьячие Ивановской площади по статусу и возможностям возвышались над остальными;

7) приставы использовались для поиска сбежавших заключенных. В 1697 г. пристав Петр Нагишкин был направлен в Холмогоры и Мезень для «сыску» колодника земского подьячего Ивашки Кошкина [11, л. 1–2];

8) они осуществляли сопровождение колодников в другой город или в качестве курьеров. Так, в июне 1686 г. Федот Башерин отвозил 4 колодников до Вы-

шнего Волочка (любопытно, что обратно ему выделили «прогоны» только на полдороги – от Твери); в августе 1686 г., феврале 1695 г. и октябре 1697 г. Тимофей Непряхин конвоировал заключенных в Вологду, а в марте 1697 г. он же – в Воронеж «еренчанина» Ивашку Чюкичова; в мае 1697 г. Ганька Свежинской (Свежицкой) сопровождал в Воронеж семью Ивашки – жену «колодницу» Парсковичу с сыном Федькой [7, л. 72 об., 88–88 об.; 8, л. 37, 39; 12, л. 43; 13, л. 16]. В январе 1697 г. Ганька Свежицкой послался в Новгород Великий «с памятьми... для крымского полону татар», в том же месяце Дмитрий Талицкой ездил для какой-то цели в Вологду, а в январе 1698 г. Илья Щеголев – в Казань [8, л. 21, 23; 13, л. 62]. В челобитной с просьбой о поверстании в оклад 12 июля 1690 г. пристав Тимофей Непряхин прямо указывал: «И посылан я холоп ваш с вашими государскими грамотами и с колодники во многие ваши государские дальние города...» [5, л. 1].

Для конвоирования осужденных также использовались стрельцы. Из финансовых документов по оплате проезда можно установить, что это могли быть как местные служивые, которые следовали из Москвы к месту службы, так и московские. В последнем случае требовалось выделение двойной суммы денег для «кормовых и прогонных» в оба конца. Так, нижегородские стрельцы конвоировали в Н. Новгород в феврале 1686 г. колодника Алешку Замятнина, а в марте того же года – «колодников четыре человека, что присланы ис Стрелецкого приказа в мошеничестве» [7, л. 46 об., 56]. В июле 1686 г. новгородский стрелец Васька Скородумов сопровождал к себе на родину 3 «колодников мужска и женска полу... которые посланы в Великий Новгород на вечное житье», а колмогорский стрелец Ивашка Чюрин отвозил гречанина подколотника Ромашку Савина, «которой сослан в ссылку на Колмогоры» [там же, л. 82, 84]. В мае 1686 г. московские стрельцы Трошка Степанов, Ивашка Селиверстов были командированы в Нижний Новгород для присмотра за колодником (с возвращением обратно) [там же, л. 70–70 об.].

Некоторые формы наказания не предусматривали лишение свободы. Так, приговор мог ограничиться назначением телесных наказаний – кнута и батога. Последние считались менее болезненными. Причем их могли применять даже к служащим приказа. Например, 10 июня 1693 г. судебная коллегия дипломатического ведомства приговорила переводчику Федору Константинову «учинить наказанье: вместо кнута бить батоги нещадно» [14, л. 3]. Самое интересное, что приговор касался дела, инициированного против него собственной матерью по так и не доказанному обвинению «в брани и безчестии».

При неисполнении служебных обязанностей пристав мог легко стать новым обвиняемым, особенно в случае финансового иска. Например, при побеге заключенного денежный долг переходил на самого пристава или на его поручителей. В 1673–1674 гг. был арестован пристав Иван Пасынков, так как он упустил заключенного, имевшего невыплаченную кабальную запись на 150 руб. По решению дьяка Посольского приказа Ивана Остафьева (Евстафьева) иск предъявили уже самому Пасынкову: «В прошлом во 181-м году по приставной памяти сыскных дел подьячего Василья Ремезова был сыскан Переславля-Резанского посадской человек Викулка Кузеляев по кабале во 150 рубл. И был за приставом за Ивашкой Пасынковым, и пристав того Викулку из-за приставства упустил. И по помете на выписке дьяка Ивана Евстафьева тот иск 150 рублей велено доправить на приставе и на порутчиках ево, а будет доправить нечего и ево отдать за иск исцу головою. И пристав в тех делах на правеже указное число отстоял, а уплаты исцу от него ничего не было. А истец об отдаче того пристава с того числа генваря по 30 число нынешняго 184-го году великому государю не бил челом. Отдан за пристава» [15, л. 5].

Приставы относились к вспомогательной категории служащих приказа, поэтому оплачивали их работу по минимальным расценкам. Одна часть приставов (от 5 до 9 человек) получала постоянный денежный оклад, другая оставалась «неверстаной» (от 5 до 8 человек). Сумма денежного жалования постоянно менялась. В 1670–1680-х гг. она неизменно росла: с 7 (1670 г.) до 10 (1689 г.) руб. Хотя встречались периоды (конец 1670-х), когда выплаты оклада вообще не производились [3, с. 179; 16, л. 164–164 об.]. В конце 1689-го – начале 1690 г. в процессе «разбора» и упорядочивания штатов приказа общая окладная сумма была снижена с 90 до 30 руб., а количество оплачиваемых «ставок» – до шести, с введением дифференцированного подхода. Теперь 2 человека получали по 6 руб., 2 – по 5 руб. и еще двое – по 4 руб. [5, л. 6; 6, л. 5–6]. Позднее встречается упоминание такого разделения как постатейного. Так, в июне 1697 г. Андрей Башмаков, числившийся по ставке в 4 руб., получил оклад умершего Петра Нагишкина – 5 руб., «и велено ему Андрею быть в приставах в другой статье» [17, л. 4]. Его же прежнее четырехрублевое жалование перешло в категорию вакантных. Такой регламент сохранялся до конца 1690-х, а частично и до 1710-х гг. [18, л. 1–2; 19, л. 5; 20, л. 2; 21, л. 29 об. – 30 об.].

Помимо оклада, приставы могли получать праздничные выплаты. Их размер варьировался в 1685–1686 гг. от 25 коп. («на «имянины» царствующих

особ) до 1 руб. (на Рождество Христово) [7, л. 28, 59, 81]. Причем получали их как верстаные, так и неверстаные приставы.

Основной объем доходов приставов формировался за счет средств участников тяжб (истцов и ответчиков), выплачиваемых ими за судебные действия («хоженое»). Согласно Соборному уложению 1649 г. размер «хоженого» определялся в зависимости от расстояния, которое должен был проехать посыльный для доставки и предъявления того или иного документа. Для города устанавливалась фиксированная стоимость – 5 коп., при выездах в уезд – 1 коп. за 5 верст [22, с. 46].

Кроме того, ни для кого не было секретом, что арестованные (или их родственники), желая облегчить пребывание под надзором, могли не скупиться на подношения.

После смерти пристава его семье, в отличие от более высокопоставленных категорий служащих (подьячих и переводчиков), не полагалось денежное содержание. Однако вдова могла получить разовую выплату на поминки. В июне 1697 г. супруга Петра Нагишкина, погибшего в половодье во время служебной поездки под Мезень, получила по указу полтину «милостно... на поминоков» [11, л. 1–3].

В связи с выполнением служебных обязанностей, требовавших перемещения по территории государства, приставы обеспечивались подъемными («кормовыми») и средствами на дорожные расходы («прогонами»). Первые могли варьироваться от 15 до 50 коп. [8, л. 37–39; 13, л. 17, 62]. Вторые определялись расстоянием и точно регламентировались указами (до Нижнего Новгорода – 19 алт., до Вологды – 21 алт., до Воронежа – 23 алт., до Новгорода Великого – 27 алт. и т. д.) [7, л. 46 об., 56, 70; 8, л. 21, 23, 37, 39–40; 13, л. 16]. Стоимость «прогонов» рассчитывалась в «подводах» с «санми» или «телегами» в зависимости от времени года. На пристава и 1–2 человек «колодников» полагалось по 1 подводе [8, л. 21, 23, 27; 13, л. 16].

Далеко не все приставы дослуживались до получения оклада. Причем «неверстаная» работа могла продолжаться до 10 лет. Общий срок службы насчитывался от нескольких лет до двух десятилетий и более. На настоящий момент максимальный зафиксированный срок службы – 29 лет. Иван Башмаков прослужил с 1681/82 г. до июня 1710 г. [3, с. 284; 21, л. 30 об.].

В архивных документах удалось обнаружить несколько списков приставов Посольского приказа с окладами:

1) от **10 ноября 1689 г.** – оклад 10 руб.: Данилов Кузьма, Башмаков Иван, Башмаков Андрей, Михай-

лов Кузьма, Башерин Федот, Дубовской Ермола, Попов Ларион, Репьев Перфилай, Коренев Афанасий; неверстаные: Колпев Илья, Непряхин Тимофей, Щоголев Илья, Талицкой Дмитрией, Алексеев Константин, Глухой Матвей, Григорьев Павел, Суботин Григорий [23, л. 53–54];

2) от **8 сентября 1692 г.** – оклад 6 руб.: Буйнов Степан, Непряхин Тимофей; 5 руб.: Башмаков Иван, Башерин Федот; 4 руб.: Башмаков Андрей, Коренев Афанасий;

неверстаные: Ливенцов Терентий, Алексеев Константин, Колпев Илья, Щоголев Илья, Новиков Тихон, Талицкой Дмитрией, Дроздов Матвей [6, л. 5–6];

3) от **16 октября 1697 г.** – оклад 6 руб.: Буйнов Степан, Непряхин Тимофей; 5 руб.: Башмаков Иван, Башмаков Андрей; 4 руб.: Григорьев Павел, Васильев Иван;

неверстаные: Колпев Илья, Щоголев Илья, Талицкой Дмитрией, Алексеев Константин, Свежицкой Гаврило (Ганька) [19, л. 5];

4) от **начала 1710 г.** – оклад 6 руб.: Буйнов Степан, Башмаков Иван; 5 руб.: Башмаков Андрей, Фалеев Дмитрией; 3,5 руб.: Дюков Федор [21, л. 39 об. – 40].

Подводя итоги, следует сказать, что в Посольском приказе основные обязанности по выполнению пенитенциарной функции лежали на приставах. Их число оставалось стабильным на протяжении длительного времени – 5–9 верстаных и столько же неверстаных. Оставался неизменным и денежный оклад. Основной же доход приставов складывался из оплаты «хоженого», формировавшегося в процессе выполнения судебных процедур, а также из «вспомоществования» от «колодников» или их родственников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуськов А. Г. Судебная деятельность Посольского приказа (на материалах второй половины XVII в.) / А. Г. Гуськов // Российская история. – 2018. – № 5. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S086956870001531-2>.
2. Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича / Г. К. Котошихин. – М., 2000.
3. Беляков А. В. Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. / А. В. Беляков. – СПб., 2017.
4. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 137. – Оп. 1 (Посольский приказ). – Ед. хр. 13.
5. РГАДА. – Ф. 138. – Оп. 1. – 1690 г. – Ед. хр. 11.
6. РГАДА. – Ф. 138. – Оп. 1. – 1692 г. – Ед. хр. 2.
7. РГАДА. – Ф. 137. – Оп. 1 (Посольский приказ). – Ед. хр. 7.
8. РГАДА. – Ф. 138. – Оп. 1. – 1696 г. – Ед. хр. 24.
9. Зезюлина Т. А. Организационно-правовые основы становления и функционирования института судебных приставов в России : 1864–1917 гг. : дис. ... канд. юрид. наук / Т. А. Зезюлина. – Владимир, 2006.

10. РГАДА. – Ф. 138. – Оп. 1. – 1682 г. – Ед. хр. 17.
11. РГАДА. – Ф. 138. – Оп. 1. – 1697 г. – Ед. хр. 24.
12. РГАДА. – Ф. 138. – Оп. 1. – 1694 г. – Ед. хр. 2.
13. РГАДА. – Ф. 138. – Оп. 1. – 1698 г. – Ед. хр. 13.
14. РГАДА. – Ф. 138. – Оп. 1. – 1693 г. – Ед. хр. 9.
15. РГАДА. – Ф. 159. – Оп. 2. – Ч. 1. – Ед. хр. 1480.
16. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 6. – Кн. 146.
17. РГАДА. – Ф. 138. – Оп. 1. – 1697 г. – Ед. хр. 25.

Институт российской истории Российской академии наук

Гуськов А. Г., кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма

E-mail: guskov-andrei@mail.ru

18. РГАДА. – Ф. 138. – Оп. 1. – 1696 г. – Ед. хр. 7.
19. РГАДА. – Ф. 138. – Оп. 1. – 1697 г. – Ед. хр. 35.
20. РГАДА. – Ф. 138. – Оп. 1. – 1698 г. – Ед. хр. 36.
21. РГАДА. – Ф. 138. – Оп. 1. – 1710 г. – Ед. хр. 59.
22. Соборное уложение 1649 года : текст, комментарии. – Л., 1987.
23. РГАДА. – Ф. 138. – Оп. 1. – 1689 г. – Ед. хр. 4.

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Guskov A. G., Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department for the History of Russian Feudalism

E-mail: guskov-andrei@mail.ru